

В день черной звезды

Сборник стихов

16+

Виктор Рубцов

Виктор Николаевич Рубцов

В день черной звезды.

Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40940180

SelfPub; 2019

Аннотация

Виктор Рубцов по профессии журналист. Автор стихов и рассказов, которые публиковались в журналах «Молодая гвардия» «Простор», «Кодры», "Московский вестник", "Русская жизнь", "Молоко", альманахе «Поэзия», ежегоднике "Побережье" (США) и других центральных и республиканских изданиях. Он автор книг стихов «Эхо тишины», «Услада», коллективного сборника «Утреннее эхо». В настоящий сборник включены избранные стихи разных лет, показывающие его отношение к жизни в прошлом и настоящем.

Содержание

Вместо предисловия	6
Июльский полдень	11
Из дорожного дневника	29
Стихи из кавказского цикла	52
Полнолуние	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Об авторе

* Виктор Рубцов – по профессии журналист. Родился в г. Грозном. Свыше сорока лет работал в печати. В настоящее время живёт в Кавказском районе Краснодарского края. Пишет стихи, повести и рассказы, которые в 80-ые годы публиковались в журналах «Молодая гвардия» «Простор», «Кодры», альманахе «Поэзия» и в других центральных и республиканских изданиях. В последние годы стихи Виктора Рубцова были опубликованы в журналах «Арион», «Московский вестник», «Русская жизнь», «Русское эхо», «Южная звезда», «Я», «Острова», «Южная звезда», ежегодном альманахе «Побережье» (Филадельфия США) и ряде других изданий. Он автор книг стихов «Утреннее эхо», «Эхо тишины» и «В день чёрной звезды», переводов – «Надежда». Литературные критики 80-ых отзывались о нём, как о поэте новой волны, на грани риска пробивающей свой собственный путь сквозь преграды так называемого » соцреализма.». Но так уж сложилась судьба, что долгие годы он находился как бы в тени таланта своего знаменитого однофамильца – Николая Рубцова. Эти годы не прошли даром. В безвестности созрел талант настоящего мастера и поэта, который сегодня может стать открытием для многих, кто еще не знаком со стихами Виктора Рубцова. Главный мотив творчества В.Рубцова – любовь к Родине и человеку – основан на лучших традициях русской литературы, ставящей во главу угла гуманизм и гражданственность, воплощённых в подлинно художествен-

ных формах, отвергающих любую фальшь и косноязычие.
Ведь проза и поэзия либо есть, либо их нет.

Вместо предисловия

* * *

Не веруя в слова, поверю в щебет птичий,
Не веруя в судьбу, поверю в небеса.
Сквозь дымку облаков увижу лик девичий,
Услышу голоса промчавшихся веков.
На камнях пирамид, на древних стенах Рима,
В названьях городов, провинций и планет
Я отыщу, как свет, мне так необходимо, -
Бессмертный идеал, какого нынче нет.
В голодные глаза втечет простое имя
Воздушной синевой и каменной тоской,
И сердце заболит, наполненное ими,
Застонет от любви среди пошлости людской...
Не веруя в слова, устои и законы,
В любовь и чистоту Христа продавших лиц,
Поверю лишь глазам приснившейся иконы,
Таинственным огням, застывшим меж ресниц.
Поверю синеве, поверю трелям птичьим,
Поверю свету звезд, сгоревших в темноте...
Поверю дрожи губ нетронутых девичьих,
И душу облегчу, не сгину в маете.

«Тиха украинская ночь «

Н.В.Гоголь.

* * *

Мы все уйдём в другие измерения.
Круг жизни стал так холоден и пуст,
Что не сорвёт Святое Озаренье
Уже стихов с моих горящих уст...
Всё – мрак сплошной, бесстрастие и бездна.
Свободы, воли – сколько пожелай.
Но нет желаний – жажда бесполезна,
Нет слуха, – пой, хрипи, собакой лай -
Всё ни к чему – собратья не услышат!
Любившие не призовут к огню!..
Они молчат, они уже не дышат,
Отдав дыханье суетному дню.
А ночь тиха... Мы так её желали!
Об отдыхе молили каждый день,
Но вот как листья клёнов отпылали
И канули в недвижимую тень,
А после в ночь....
Всё в миг остановилось. Нет жалоб,
Нет страданий,
Нет мольбы,
К чему жестокость ярая и милость?..
Наш пот и кровь утихнувшей борьбы?
К чему вся жизнь? – Все прошлые движенья
Души и тела, войны и пиры?

Мы – пыль без света и без напряженья,
Проникшая в ожившие миры!
Они нас попирают и смеются:
Желали? – Получайте же, глупцы!..
И звёздной пылью наши жизни выются,
А души так похожи на зубцы
Угаснувших во тьме метеоритов! -
Ты этого желал в своей ночи?..
Или цветущих и ленивых Критов?..
Не знаешь? Сомневаешься?.. Молчи!..
Мы ничего не знаем, – что там будет?..
Всё выдумки про вечный рай и ад...
И есть ли суд? И кто вершит и судит?
Чему же ты, отмучавшийся, рад?
Ещё не ярко наше озаренье,
Не вечное сорвалось с наших уст...
Так не спеши в другое измеренье,
Пока и сам ты холоден и пуст,
И не горишь Омегой во мраке!
Пыль, камень – незавидная судьба.
И то, что упадёт звездой, – враки!..
Душа восходит, Значит, жизнь – борьба!
А что там будет, Боже, что там будет?
Коль знали б, то не стоило и жить?
Кто нас спасает, жалует и судит?
И стоит ли всей жизнью дорожить?..

Олени

Мы олени. Нас волки погнали по снегу.

Мы олени. Нас голод направил в пургу.

Мы олени, готовые к трудному бегу!

Мы олени. Нас рвали на нашем бегу!

Мы дрожали всю жизнь от зубастого страха.

Мы дрожали всю жизнь от сознания конца.

От того, что вот-вот нападёт росомаха

Или серая стая направит гонца...

Он завоюет в ночи, чуя носом удачу,

И собратьев клыкастых на пир позовёт

Да ещё с ними вместе шакалов в придачу.

И слабейшего в стаде зубами порвёт...

Мы олени. Нас снова погнали по снегу.

Мы олени. Нам трудно спастись в пургу.

Мы олени. Далёко ушли за Онегу...

Без прописки живём в Заполярном Кругу.

Но сужается круг: нас пугают машины,

Дикий рёв вертолётов и вспышки с небес...

В нас стреляют из ружей в погоне мужчины

Или просто убийцы, в которых есть бес...

Всех подряд – ради похоти или забавы,

Словно мы не живые – не чувствуем пуль!

Мы – олени. Добыча? Стада для притравы,

Даже если под солнцем цветущий июль!

Мы – олени! С нас спилят охотники панты.

Снимут тёплые шкуры, точнее, сдерут.

Мы – олени! – Добыча для алчущей банды!..

Для которой убийства – не грех и не труд.

Мы – олени!

Июльский полдень

* * *

Золотые клавиши калитки
На закате дня переберу.
И с блаженством выползшей улитки
Каждой клеткой света наберу.
Наберу тепла, благоуханья
Кашки и ромашек на лугу.
И акаций пряное дыханье-
Эликсир – вдохну, и жить смогу.
Жить смогу, как эти медуницы,
За добро добром благодаря
Свет небес и чистые криницы,
Воздух из живого янтаря.

Тишина

Весь город навалился на меня
Своим густым, своим тяжелым шумом...
Но расколосось небо звонким громом,
Как исцеленьем суетного дня.
И город оглушила тишина
Блаженства и минутного покоя...
Я невзначай провел по ней рукою,
И удивился: как она нежна,

Как схожа с человеческой душою!

Июльский полдень

Утопились тени от жары.
В обмороке пышные отавы,
Наконец, согрелись у горы
Ног больных усталые суставы.
Сотни лет они стоят в воде,
Судорогой вывернуло пальцы,
Как в тяжелом, яростном труде -
Держат гору вечные страдальцы.
А вблизи благоухает лес,
Шмель гудит, и квакают лягушки....
А за Волгой – потерявший вес
Зыбкий берег,
смутный зов кукушки.

* * *

Смотрю на мир в окошко тамбура.
Остыло небо надо мной.
Луна – расплющенная камбала -
Во тьме блеснула чешуей,
Хвостом махнула и – за облако...
И с нею скрылась от меня,
В ночи растаяла без отзвука
Тревога прожитого дня.

Четверостишия

Опять пошли волнения и споры -
Словами стали что – то городить,
А научиться бы молчать, как горы...
Или душой, как горы, говорить.

* * *

Седые башни умирают стоя,
Не наклонив в печали головы,
Познав всей жизнью тайный смысл покоя,
Спокойные и гордые, как львы.

* * *

Поймалась ночь на переметы трав.
И онемела, напряглась от боли,
Как хитрый лещ, что долго был лукав,
Но очутился вдруг в садке неволи.
Галактики блистает чешуя.
И плащ ее чуть – чуть колышет ветер,
Как будто речки легкая струя
Играет в лунном, невесомом свете...
И, кажется, что в мире есть покой,
Но тишина обманчива, как воды,
Под теплою, неопытной рукой,
Забывшей про речные переметы.

В непогоду

Снова штормы плюют на план.
И клянут рыбаки погоду.
Хмурой глыбою – капитан,
Им придумывает работу,
И спасает от злой тоски.
Пробурчит сквозь усы: «Не кисни!
Будет вам и печень трески,
Будет слава еще при жизни»...
И бодрится морской народ
На качелях трехдневной качки...
И словечки морские рот
Пережевывает, как жвачку.

* * *

Я море чувствую в себе.
Оно спокойно, величаво.
Но вот под ветром слов – курчаво,
И катит скрутки волн к тебе,
Слегка волнуясь и резвясь.
Они щекочат плоть и душу...
Но грянет шторм, и бьют о сушу
С размаху, разрушая связь...
Но ты прекрасный мореход,
Уйдешь в простор, покинешь пристань,

И буду трижды я расхристан,
Пока вернется теплоход
Моей судьбы, твоей забавы...
Надолго ль в берегах души
Уймется шторм?.. Ты не спеши
Сказать, что оба мы не правы...
Я море чувствую в себе.
Оно принадлежит тебе!
Но не шути с открытым морем,
Все может обернуться горем.

Дождь на привокзальной площади

Косой, назойливый, нахальный,
Юродивый осенний дождь
Лбом бился в сумрак привокзальный
И жаждал власти, словно вождь,
Во всей томившейся округе,
Все отрицая, но круша
Лишь нежность тишины, в недуге...
Бессильный, с крыш сползал, шурша...
Его топтали башмаками,
Давили шинами колёс,
И он с разбитыми боками
Уже стонал, как жалкий пёс.
Он всхлипывал в вонючей луже,
Как потерявший веру Лир,

И сдавливался тьмой всё уже
В его зрачках жестокий мир.
Дождь умирал, не понимая
Зачем прожил короткий век.
И лишь тоска в глазах немая
Шептала: он как человек...
мимо мчались по дороге,
Горя огнями, поезда...
Но дождь, поджав под брюхо ноги,
Глядел в ничто, и в никуда...

* * *

Дунул ветер, задрожали стёкла.
Деньдохнулвнезапною грозой.
Дождь упал, и вмиг земля промокла,
Но смеялась гибкою лозой,
Ликовала листьями черешни,
Запалённой славила травой,
Желторотым выводком скворечни -
Мир земной и мир над головой,
Что сходил на землю небесами,
Наполняя соком жизни грудь,
Громыхая мирно над лесами,
Плечи не сумевшими согнуть...
Разрывая тучи над полями,
Топоча по крышам жестяным

То ли ливня злыми журавлями,
То ли засух страхом костяным...
Всё смешалось в грохоте и пляске
Ливня, света, листьев и травы,
Словно в грешной, но прекрасной связке
Вод, земель и неба синевы.

Посвящение китайскому отшельнику

Душа, как царство Гугия, пуста,
Покинута друзьями и врагами,
И нет к ней рукотворного моста
Над бурей жизни и её кругами.
Всё возвратится на круги своя?
Не всё – пусть уверяют оптимисты.
Пуста душа холодная твоя,
И все пути к ней тайные тернисты.
Вселенский ветер и вселенский гул
В святилище, покинутом до срока...
Не ветра – одиночества разгул
Над жаркою клоакою Востока.
Лишь ты один вдыхаешь в небесах
Холодный воздух полной, сильной грудью,
И взвешиваешь, словно на весах,
На двух ладонях – ложь с тяжёлой сутью.

Эстрада и художник

Всё вращается в мире по кругу
Иль вокруг своей вечной оси...
По орбите приблизилась к другу
И прошла, чтоб пожить ... в Сан – Суси.
Между нами – эпохи и вечность,
Притяженье, вращенье орбит,
Между нами сама бесконечность -
По любви безответной скорбит.
Вдохновенная кисть Рафаэля
Дивный образ на холст нанесла,
Поселила в нём искорку Эля*,
Волшебства... и до нас донесла...
Часть души, что великий художник
В лик мадонны божественной влил,
Как влюблённый в тот образ безбожник,
Будто Бог его благословил,
Но оставил чужими орбиты
Для плывущих во мраке планет,
С коих яркие светят сорбиты,
Только толку от света их нет...
Проплывают по вечному кругу,
Будто цепью прибиты к оси,
Не приблизятся больше друг к другу -
Он, она и её Сан – Суси...
Всё вращается в мире по кругу,
И сгорает, как звёзды, дотла,

Одиночества ходят по кругу,
А порой – от угла до угла...
Кто лишится привычной орбиты,
Тот погибнет в пучине страстей...
Вот и светят во мраке сорбиты,
Нас просвечивая до костей...
Он сорвётся с проклятой орбиты
И, как смертный, падёт до греха.
И погаснут во взгляде сорбиты,
Ночь постелит безумцам меха...
Пред вратами горячего ада,
На глазах самого Сатаны...
Ты такая же точно, эстрада, -
Грех под тканью святой сутаны.
Ты такая же точно, эстрада, -
Наша жизнь не на нашем пиру,
Даришь радости прямо у ада
И с сумою идёшь по миру...
Всё вращается в мире по кругу,
Всё сгорает, как звёзды, дотла.
Одиночества ходят по кругу,
А порой от угла до угла.

* Эль – волшебник, не путать с напитком, хотя тоже близко.

Наш огонек

Со всем, что Господь мне вложил
В мою беспокойную душу,
Я мучился, верил и жил,
Из Ада вернувшись на сушу.
А верил я только в любовь,
Всерьёз помышляя о счастье,
Не раз обжигался, но вновь
Мечтал о любви и участие.
Мечтал о красивой поре,
С зелёной весеннею веткой
И чистой росой на коре,
Святящейся каждою клеткой,
Наполненной влагой живой,
Наполненной жизнью и соком,
Без боли ещё ножевой,
Резнувшей меня, словно током...
Бывают счастливые дни
Под небом прозрачным и вечным,
В кругу хлопотливой родни,
Под светом любви бесконечным...
Но есть и иные деньки -
С мучительной болью и раной,
Суровой петлёю пеньки
И с пущенной кровью и праной...
Всё надо достойно пройти -

Спокойные дни и невзгоды,
Чтоб в них своё имя найти,
Хотя бы на малые годы.
Про вечность – безумцам мечтать,
Про славу вздыхать сумасшедшим,
А нам бы, хоть честными стать
Пред будущим или прошедшим...
И перед самими собой,
В достоинство высшее веря,
Шагая по жизни с сумой,
Но, шкур не сдирая со зверя,
Друг друга в делах не давя,
В ночи не воруя удачу,
Мгновений судьбы не лоя
И радости ложной в придачу.
Пройти бы дорогой своей -
Нам данной природой и Богом,
Оставив лишь радость на ней
И свет, как за отчим порогом!
Он долго светил нам в пути,
И нас согревал в лихолетья,
Чтоб честно сумели пройти...
И честь сохранить на столетья...
Засветит и наш огонёк
Потомкам в суровую пору
В их трудную ночь иль денёк,

И выведет, выведет в гору...

Душа и природа

Бывают дни, когда душа
Изнемогает без природы,
Как будто благодати роды...
Ждёт, не дождётся.

Хороша

В такие дни и хмари скука,
И шалость ветра в лозняке,
Где каждый лист на сквозняке
Вдруг обретает силу звука.
Звучит оркестром весь лозняк,
И листьев золотые ноты
Как будто просятся в блокноты,
И с ними вместе – весь сквозняк...
Но ждёт особого душа
Великолепья от природы.
Вот брызнет солнце, вспыхнут воды!..
Как будто кубок осушив,
И сразу чувствуешь, что жив.
Изнемогая от блаженства,
Душа познает благодать
И всё стремится ей отдать
Навек в минуту совершенства.
Какая огненная связь

Души, создателя, природы!
То счастья медленные роды,
То стонет жизнь в тебе, борясь,
Как свет, с холодной, жуткой тьмой
Над окровавленной равниной,
Как голубь – в ярости орлиной,
Когда орёл уж мыслит – мой!..
И поднимает алчный клюв
Над ангельским великолепьем,
Птах вырывается отрешьем...
И в камень ударяет клюв.
Тот отзвук слышен в небесах,
Как будто раскололись тучи
От света музыки могучей,
И жизнь со смертью на весах.
Но перевешивает свет, На чашу жизни опустившись,
И в сердце радостью вместившись,
Душе дарует божий свет.
С небес нисходит благодать
На лоно девственной природы.
Нежнее скальные породы...
И чувств земных не передать!

Осень

Осень.

Осы
Над кипящим мустом.
Просинь,
Росы,
Травы с хрустом.
Свет и свежесть
Над равниной вольной...
Отчего же сердцу
Молодому
Больно?
Может, это сила
Смертная скопилась,
Кровью,
Словно мустом,
В сердце заварилась?
Иль не поместилось
В сердце
Всё раздолье,
Потому и бьётся
Виновато,
С болью?..
Осень,
Осы,
Накипь муста...
Просинь,
Росы. В сердце густо!

* * *

Металл автобусов дышал устало зноем,
Припоминая «роддома-мартены»,
Гудрон расплавленный заполнил черным гноем
Сосуды улиц и пополз на стены,
Задушенные пылью коммунхоза.
А мы с поэтом, подобрев от пива,
Вслух размышляли: что дороже – роза -
В стихах Есенина – или простая ива?
А рядом с нами задохались розы, -
Замученные пленницы прогресса,
И лицемерно – виноваты козы -
О смерти ивы заявляла пресса.
Вечерка, растянувшись на скамейке,
Внушала мысль со страстью экстрасенса:
На экологию потрачены копейки
И потому в казне души ни пенса.
Вот это ближе к истине, наверно,
На нравственности экономим средства,
И потому, как в урне, в сердце скверно
На улицах скупого самоедства.
Каннибализм двадцатого столетья
Одет в благопристойные одежды,
И получая шанс на долголетье...
Лишает город призрачной надежды

На то, что пыль исчезнет, как угроза...
И улицы отчистятся от гноя...
А в чистых душах, расцветая, роза
Не задохнется в августе от зноя.
Останется в стихах и песнях ива -
Не символом прошедших поколений,
Не отголоском грустного мотива,
А сенью для любви и вдохновений.
Высмеивает критика-служанка
В стихах поэтов ивы, звезды, розы...
Но жить без них не может горожанка -
Поэзия, глядящая сквозь слезы...

«Утро туманное, утро седое...»

В густом, молчаливом тумане
Забылась родная земля,
Как женщина в легкой нирване,
В спасающем душу обмане,
Губами едва шевеля.
Едва поднимаясь со вздохом
Молочною грудью полей
Над сумрачным, путаным лохом,
И телом, согретым под мохом,
Касаясь корней тополей,
Касаясь невидимой сути,
Начала зеленых начал,

Как вспышки в таинственной мути,
Как легкости в тяжести ртути,
Как крика, который молчал,
И вот прорывается к слуху
Из тяжкого гнета тенет,
Подобный могучему духу,
Но слышный не каждому уху.
И веришь, – забвения нет.
Пока в молчаливом тумане
Живая вздыхает земля,
Ты – крылья спаливший в обмане, -
Спасаясь в легкой нирване,
На милые глядя поля.

Современные города и души

Фиолетовые ленты равнодушья -
Улицы, проспекты городов,
Смогом, толпами доводят до удушья,
Вырванными легкими садов
Слабонервных бьют под самый дых,
Чуткость прячут заживо в бетоне
Мекки и Равнены молодых
Проституток и воров в законе.
Душные хранилища любви,
Веры и надежды – библиотеки,
СПИДа вакханалия в крови,

АнтиСПИДа дефицит в аптеке.
Замурованные кельи нас калек,
Жалких жизней-наказаний сроки...
Стыд перед потомками навек?
Или мзда за горькие уроки?
Все сочтут и вычтут города...
Счет души компьютерной измерен!
Ну, а настоящей – никогда,
Ей – босой и сельской – буду верен.

Из дорожного дневника

Птицы

Нет для вольного ветра и света границ.
Нет кордонов для певчих, стремительных птиц,
Для крылатых и царственных лебедей...
Почему же границы – для вольных людей?
Или мы не вольны? Наша вольность – обман?..
Встал над грудью волны беспросветный туман.
Слышу скрип допотопной чеченской арбы:
Не шути так, поэт, мы – простые рабы.
Кто-то выдумал сказку про вольных людей,
Перепутав с людьми золотых лебедей,
Посмотри, как под солнцем их крылья горят!
И без слов о свободе своей говорят:
Люди, вы, ваша жизнь – за забором,
За кордоном, с большим и надёжным запором.
И пока есть границы и этот забор,
О свободе и братстве смешон разговор!

Ранняя весна у Шексны

Фиолетовый, рыхлеющий,
Подогретый солнцем снег,
Словно старый муж дряхлеющий,
Жалость вызвавший и смех

У безжалостной капризницы,
Веселящейся весны...
Слезы, словно камни в ризнице...
А глаза жены ясны.
Возбуждает ревность взглядом,
Жжет слабеющую грудь,
Полнит душу горьким ядом,
Открывая жизни суть:
Он умрет, она живая
С соловьями будет петь!..
Мысль, как рана ножевая,
Мука тяжкая – терпеть,
Представлять в зеленом шуме
Ликование весны...
Смолк в последней, грустной думе
В голой роще у Шексны.

Из восточной тетради

Поезда гремучая змея,
С золотистой чешуёй из окон,
Прожигала ночи чёрный локон,
Вслед гудку шипела: «Азия...»
Родины покинутой мотив -
В опалённых ветках биюргена.
Родина томилась в шифре гена,
Шум зеленой жизни затаив,

Словно нежность – в твёрдости души,
Словно песню в немоте курганов...
Мне её напел акын Курбанов,
Струны сердца трогая в тиши.
Плакала пророчица-домбра
О конце трагическом Арала
И о том, как время покарало
Всех, кто не желал ему добра...
Но не верил я в такой конец.
Подлецы живут преуспевая,
Про эдемы людям напевая,
Не стыдясь предательских колец...
Не стыдясь газетного суда,
Обвиненья в преступленья века
И того, что море, как калека,
Бросило в песках свои суда.
Господи! Хоть ты их покарай -
Морегубов злых из «Минводхоза»!
Погибает голубая роза...
И не манит рукотворный «рай»...
Поезда гремучая змея,
С золотистой чешуёй из окон,
Прожигала чёрной ночи локон
И молчала в муках Азия.

Мангышлак. 12 июня 1980 года.

Мастеру Аманкулу

Ракушечника кружево. Акулы
Скелет, застывший в розовой скале...
У Аманкула выпуклые скулы,
Блестящие, как чайник на столе.
Распиливают кладбище акул.
Откуда им в пустыне было взяться? -
Гадает старый мастер Аманкул.
Но даже он не может догадаться.
В Сарматском море, что ракушек, тайн.
Оставил их потомкам Авиценна...
Вгрызается в историю комбайн,
И весь карьер – грохочущая сцена.
За слоем – слой – все зримее распил,
Загадочного прошлого явленье.
Гружу бруски на запыленный «ЗИЛ»,
Везу к ЖД – до пункта назначения...
Везу на экспорт каменных акул,
Пусть украшают праздничные залы...
Для них старался мастер Аманкул,
Мечтавший натолкнуться на кораллы.
Он ищет их уже который год,
Как амулеты – заболевшей внучке
И верит, что спасут кораллы род -
Застывшие в Сармате закорючки.

Гимн Актау (Шевченко)

Мерцает мириадами огней

Актау в фиолетовой ночи.

И, кажется, что нет его родней:

В любую дверь, как в сердце постучи!

И он тебе откроет, ты поверь,

Усталый путник, сбившийся с пути,

И сердце, и души широкой дверь,

Не даст пропасть, обиженным уйти.

Накормит, обогреет в трудный час.

И, если надо, даст постель и кров.

Хотя ему и нелегко сейчас,

Но тот же в людях дух и та же кровь,

Как в юности Актау, на заре

Его надежды, веры и любви...

Магнитом тянет память к той поре!

И ты её, Господь, благослови!

Она дала нам многое понять

На краешке обветренной земли -

Присягу человечности принять,

Поднять БН, дома, как корабли...

Поднять людей на добрые дела,

Поднять сады и благородный дух...

Она своих героев родила,

И я молю, чтоб их огонь не тух

В сердцах потомков, в вечности, в ночи...

И озарил пустыню и прибор...
Большое сердце города, стучи!...
Пока ты бьёшься, жив и я с тобой,
Пока ты бьёшься, живы сыновья.
Пусть берегут священные огни.
Любовь к тебе им завещаю я,
И верю, что не подведут они.
Шагай же в степь походкою былой,
Пари над морем, вскинувший крыла...
Чтоб никогда историк удалой
Не написал: «Здесь тоже жизнь была»...
Была и будет! И покуда есть!
Не истребить достоинство и честь!..
Горит огонь! – Летит, как чайка, весть
О том, что жив и молод город мой, -
Приходит первой зрелости пора...
Плыву во тьме на огоньки домой
И привечает Белая гора.
Мерцает мириадами огней
Актау над каспийскою волной.
И чувствуешь, что нет его родней,
И ты ему – желанный и родной.
Сияй сердцами Белая гора,
Плыви по морю вечности, плыви!
А юности счастливая пора
Звездой надежды в зрелости живи!

Мерцай потомкам верным маяком,
Указывай им самый точный путь,
Чтобы приплыть желанным земляком
И с истинной дороги не свернуть!

—

Актау – в переводе с казахского – Белая гора (Прим. Авт.)

БН – сокращённое название атомного реактора на быстрых нейтронах. БН-350 – первый в мире реактор такого типа, построенный в Шевченко – ныне г. Актау на Мангышлаке.

Мыс Актау *

Прибрежная волна похожа на кумыс.

Напившись допьяна, упал к прибою мыс.

Забыл годам и дням гигант щербатый счёт.

Как пенная вода история течёт.

В расщелинах камней – тысячелетий пыль.

Поведай нам, Хазар, о пережитом быль,

Про древний Мангышлак и буйные пиры,

Про канувшие в прах заснувшие миры,

Про саков, кипчаков и гордый род адай!

Из древности слова их правды передай!

На кончике копья, на острие стрелы,

В орнаменте ковра, в терпении скалы,

Что точит день за днём солёная волна,

И криком грудь скалы не вырванным полна.

Задавлен в глубине громадами камней,

Но, кажется, вот-вот прорвётся он ко мне.
И я узнаю гнёт и дикий клич веков,
Стремленье к небесам, смешенье языков,
Кипучую, как в шторм, историю-волну
Про этот вечный мир и вечную войну...
Про жизнь, что на века пришла на белый мыс,
Про пенную волну, хмельную, как кумыс

Кошкар-ата

Солнце и луна над Кошкар-ата,
Словно в мир иной древние врата.
Мир вам, сыновьям неба и земли!..
Громкий сердца стук, чуточку замри!
В мёртвой тишине сон не потревожь...
Серою гюрзой отползает ложь...
И чиста душа на Кошкар-ата,
В золоте лучей древние врата...
А за ними ширь – взгляд, куда ни кинь:
Выжженная степь и морская синь,
Воля и простор да полёт души...
Слышу клич орлов, реющих в тиши.
Слышу голоса табуна веков,
Вижу бранный прах спящих стариков.
Солнце и луна над Кошкар-ата, -
Словно в мир иной древние врата.

Ниже уровня моря

Ниже уровня моря порою случается чудо.

В жёлтом мареве зноя и белом содоме песков

Вдруг двугорбая тень на тебя упадёт от верблюда,

И живая прохлада остудит каналы висков.

Успокоится кровь, закипевшая было в сосудах,

Над тобой, ослабевшим, наклонится сильный бура*...

Меньше думай, собрат, о подземных запасах и рудах,

И хватайся за гриву, хрипя от спасенья «ура!»

Он дотащит тебя, твой неведомый друг, до аула.

Там напоят шубатом, не помня обиды и зла...

Лишь поморщится кто-то от частого грома и гула,

Что с собой в этот край твоя новая жизнь привезла...

—

*

бура – верблюд (каз.)

Нет в душе соловья

Над сизой кошмою Устюрта -

Лиловая, звёздная юрта.

Лежим, распластавшись, под ней,

Не видя родимых огней.

Они затерялись за далью,

Как будто всё прошлое сталью

Судьба, как палач, отсекла,

И болью душа истекла.

Внутри омертвело, остыло,
И стало гордиться постыло:
«Мы – русские, мы – сыновья...!»
Нет в душах сирот соловья!
Нет радости песенных дней,
Когда пели гимны о ней -
России великой и милой...
С размашистой ширью и силой.
Над сизой кошмою Устюрта
Рождается племя манкурта,
Которому сруб или юрта,
Со звёздами даже – одно!
Не тронет души ни рядом,
Ни отчий двуглавый туяк...
Так кто же – чужак иль свояк
Мой сын вдалеке от тебя...
Россия, пойми хоть себя,
Куда и зачем ты идёшь,
К какому рассвету ведёшь!
Себя по пути не забудь,
А мы уж, поверь, как-нибудь...
Покуда над ширью Устюрта
Нас греет просторная юрта.
Не держат обид сыновья.
Но нет уже, нет – соловья!

Письмо другу

Пишу из далёкой России.

Стоит золотая пора.

В округе пшеницу скосили,

И гуси ушли со двора.

Жиреют стада на покосах,

В стерне – золотое зерно...

Луга умываются в росах,

И галки кричат озорно.

Я бедный, заброшенный странник.

Бреду неизвестно куда,

Как тихого счастья изгнанник,

А куры мне вслед: «Куд – куда?»...

– Туда, где земная свобода,

Туда, где для сердца простор,

И синий орёл небосвода Крыла, как хотел, распостёр.

1996 год.

Мангышлак

Солнце из жидкой стали,

Песчано-глиняный зной.

Жадными люди стали

С белою новизной:

Пьют воду, как будто пиво,

Из полных ещё баклаг.

Как жёлтую воду – ива,

Как бронзовый чай – Сайлаг.
Жадно, но скоро кончится.
Тогда за себя держись.
Слабый от жажды скорчится,
Ящеркой юркнет жизнь.
Солнце ударит в темя,
Выпьет глаза, как сок,
И остановят время
Глина, жара, песок...
Но, сильный возьмёт лопату
И будет до крови рыть
Землю. Сверху, как вату,
А ниже!.. Но, значит, жить,
Смеяться потом и плакать
От мутной, сырой воды...
Вот так бы влюбиться в слякоть
И в утренние плоды,
Что в жизни давно приелись.
Вон – гоним в запасы сок...
Мне в душу, как в кожу, въелись:
Жара, Мангышлак, песок...

Дождь в пустыне

Вот и грянуло,
Вот и вылилась
Чаша неба,

Вдруг наклонившись.
И пустыня
Как будто выгнулась,
К ливню жёлтому
Прислонившись
Воспалённой,
Горячей кожей...
Зашипел песок вековой...
Зашатался,
Как конь стреноженный,
И упал
Летний зной.

У Азова

Стылый ветер ползёт от лимана,
Где казанка, присев на корму,
Тянет к берегу сеть аламана,
Тарахтя про безрыбье и тьму.
Грустный вечер идёт по причалу
В брезентовке на крупных плечах,
По песку, как по стылому чалу,
Мимо солью поросших корчаг,
Мимо ржавых, погибших посуды,
По морскому погибшему дну...
И никто за разбой не подсуден,
Только треск про гуманность одну!

Пожелание в пустыне

Развалины храма и желтая грусть
Немых и загадочных тысячелетий...
В зрачки, как вместилища вечности, пусть
Войдет новый мир миллионом соцветий!
И там, где песок раскаленный и пыль
Лежат, как останки минувшего века,
До неба поднимется новая быль,
До неба – земные дела человека!
Пусть хлынет из скважин живая вода!
И травы взойдут над пустыней бесплодной,
И строгий потомок уже никогда
Не вспомнит о ней, как о самой голодной!

В год дракона на кишиневском рынке

Все еще с протянутой ладонью
Ходят по базару попрошайки.
И, молясь, как богу, беззаконью, -
Спекулянтов и воришек шайки.
Кишинев клоакою базара
Потягаться может и с Востоком:
Вот потомок вещего хазара,
Честь забыв, торгует кислым соком...
Кровь сочится из коровьей туши.
Рубит ее дальний внук Малюты.

И дерет безвкусицею уши
«Звукозапись» с жаждой инвалюты...
А ряды, ряды полны товара.
Море разношерстного народа.
Говор тысяч, слитый в шум базара,
Запах леса, поля, огорода.
Все здесь, как в одном котле огромном,
В месиво замешано июнем....
Разогреем страсти на скоромном,
Заглянем в бумажники и плюнем.
Дорого! С протянутой ладонью
Жить, как видно, проще попрошайкам.
И молиться легче беззаконью
Воровским и спекулянтским шайкам,
Чем служить Отечеству, закону,
Жить, как прочим, – на одну зарплату,
Посылая жалобы Дракону -
В год его счастливый – супостату.

Столице мимоходом

Скорый поезд промчит мимо станции,
Жарким ветром и дымом обдаст,
Но со мной не нарушит дистанции,
Не возьмет, захолустью отдаст.
Не ропшу, дни промчались столичные,
Праздник сердца стихает в груди,

Но, прости, это все слишком личное,
Коммунальная жизнь впереди.
А вокруг – пустота захолустная,
Вянут дни, как листва на песке,
Вот такая история грустная -
После губ на горячем соске,
После гула сердечного праздника,
После жгучего тока в крови...
Ты прости своего «безобразника»,
Я примчусь, но всерьез позови!

Легенда и предположение

Седую бороду тумана
Огладил ветер, как рукой
Купец, отстав от каравана,
С тревожной думой над рекой:
Как перейти, и что с товаром?...
Не утонуть бы невзначай...
Река всходила легким паром,
Как будто в ней – горячий чай...
Эх, будь что будет, раздеваюсь! -
Решил рискнуть собой купец,
Снял шаровары, отдуваясь,
И вдруг услышал: «Вот глупец!..
Смотри, когда в спасенье веришь,
И по воде сухим пройдешь,

А нет – то глубь до дна промеришь
И мокрым брода не найдешь!...»
Шел по реке купцу навстречу
Христос... рассеялся туман,
И пал купец без дара речи,
Не веря в зрительный обман.
Ты не Христос, а наважденье! -
Оторопев, решил купец, -
Не знал подобных с дня рожденья...
– Но вот узнал, молись, глупец!
– Чур, чур меня! Уйди нечистый!... -
Погнал, ругаясь, фарисей.
Но вдруг лучистый и плечистый
Над ним заплакал Моисей:
– О, смертные, мой труд напрасен!
В вас даже в бога веры нет.
И путь ваш жалок и ужасен!...
– Прости! – вскричал купец в ответ.
Но, видно, не было прощенья -
Ум потерявшему купцу....
И нам не будет возвращенья
В дом к оскорбленному Отцу.

Знакомому

Ну что тебе до нашей сельской прозы,
Когда вдыхая нежный аромат,

Блаженствуешь под звуки ариозы
В Большом!.. А здесь сплошной навоз и мат,
Сплошная грязь убогих закоулков,
Сплошная тьма непросвещенных душ
И душный хмель горбатых закоулков,
А царь музыки – барабанный туш.
На свадьбах, днях рождений, похоронах
Он бухает в мирскую тишину,
И криком откликается в воронах,
Взрывающих тревогой вышину.
Он в душу бьет, и кажется, что скоро
Уставшая от буханья душа
Не выдержит и рухнет, как опора,
В глазах живые искорки туша....
О, господи, как много в мире шума!
Как мало в нем просветов и ума!
А ты мне пишешь о проблемах ГУМа,
О том, что в дефиците бастурма...
1986 год

В Рени

Захолустный, пограничный,
Пыльный, крохотный Рени,
Поубавь апломб столичный,
Душу чем-нибудь плени!
Голубой водой Дуная

Иль кагульской волной,
Что под солнцем, как Даная,
Светит нежной белизной.
На нее из-за Дуная
Ворог щурился не раз.
И потом, ногой пиная,
Вышибал слезу из глаз,
Проносился ураганом
По пустынному Рени
С палашом и ятаганом,
Слыша – «Боже, сохрани!»...
Но хранил не бог, а воин,
Царь войны – простой солдат.
Вечной славы удостоен
В мир ренийский ратный вклад.
Обелиск и крест у храма -
Молчаливая печаль,
Букв старинных диаграмма...
К ним зрачками глаз причаль!..
Колокольной безъязыкой
Растревожь, напomini мне
Как под пули шли с музыкой
Россияне по войне!
Как суворовцы лихие,
Не вкусившие Данай,
Вспоминали жен в стихие,

Отправляясь за Дунай...
Вспоминали и тонули,
Отдавали кровь волнам.
И сейчас не потому ли
У Дуная зябко нам?
Дует ветер на рассвете,
В душу веет холодок -
В металлическом корсете
Пограничный городок.
Синь Дуная за забором?
Слава русская на дне?
Или все мы под запором
В несвободном нашем дне?
Мы – потомки тех дунайцев,
Кровь проливших за Дунай,
Получили дар данайцев
И насмешки от Данай? –
От недавних жалких узниц,
Так просивших им помочь -
Придунайских стран – союзниц -
Полюбовниц лишь на ночь?
Слышу я из-за забора:
«Вы, Ванюши, дурачки!
Не Россия, а умора!..» -
Страхом вывела зрачки.
Страх колючий у Дуная

На священном берегу,
Словно нечисть водяная
Поднялась, но... – ни гу-гу!
О политике – ни слова.
Из молчания – забор...
Говоришь, что нет улова?
Но зато и друг – не вор,
Он свободно за забором
Ловит сельдь и сазана,
Нет, не рыба под запором,
Под запором вся страна.
Под запором наше право,
Честь и русская душа.
И на дне дунайском – слава...
И в кармане – ни гроша.
А когда – то пограничный,
Пыльный, крохотный Рени
Поставлял в дворец столичный
Рыбы – боже сохрани!
Сам был сыт, кормил Одессу,
И любил иных Данай,
Не всерьез, для «антиресу»,
Лил шампанское в Дунай!..
А сегодня по Дунаю
Приплывают чех и шваб,
Чтоб за шмотки взять Данаю,

За валюту – русских баб!
Эх, проснулся бы Суворов!
Вот бы врезал сторяча
Тем, кто все извел без воров,
Над страну хохоча...
Сам себе воздвиг осаду.
А богатства – за забор...
Сердцем чувствую досаду
От морей до гордых гор.
Сердцем чувствую обиду
За державу и Рени,
За печальную планиду!..
Русь, проснись и сохрани
Славу предков и свободу
В жены брать любых Данай
И входить в святую воду,
В синий, с кровушкой, Дунай.
1985 год

* * *

Томится Русь, предчувствуя свой час,
Без помощи провидцев и пророков.
Довольно исторических уроков,
Чтоб и самой предчувствовать сейчас.
Довольно брать других в учителя,
Довольно жить с оглядкой на соседа,

Пора восстать из серости и бреда,
Жить, не боясь чужого фитиля.

Стихи из кавказского цикла

Бунт природы

Что небу до жуткого страха
Испуганных громом в ночи?
Ударит грозою с размаха,
И тут, хоть кричи, хоть молчи...
Земля задрожит под ногами,
Стряхнёт с себя муку шоссе,
Как будто бы черти рогами,
По взлётной пройдя полосе, -
Стихия!... Бунтует природа,
Устав от вражды сыновей.
Безумства глупца и народа
Уже опостытели ей.
Любое терпенье до срока!
А лопнет – и Бог не спасёт
Прожжённого молнией ока,
Всего, что казнит и трясёт
Людей за греховную злобу,
Пролитую кровь и вражду!
И мрак наступает по Глобу,
А я просветления жду!..
Когда же прозреют народы?
Положат всем войнам конец?

И, внемля желанью природы,
Любовный поднимут венец?
К чему все злодеяния и траты,
Страдания и боли людей?..
В ком скорбь от тяжёлой утраты,
Не станет стрелять в лебедей!..
Тем более – в братьев,
Друг в друга!..
Пока ты свободен и жив,
Уйдя из священного круга
И чашу войны осушив...
Но снова безумцы воюют,
Взрывают дома и сердца,
И ветры зловещие дуют,
Бурьян над могилой отца...
Туда не пройти под обстрелом.
Стал линией фронта погост.
А в воздухе горьком и прелом
Встают мертвецы в полный рост,
Подняли их взрывами боя...
Качается, стонет земля!
И небо горит от разбоя,
Что начат по воле Кремля...
Борис Николаевич – грозный,
Кровавый, лихой господарь
В Содом превратил город Грозный,

Чтоб поняли, кто – Государь!..
Мы поняли, жалко, что поздно!..
Уходят в огонь пацаны.
И гибнут – то скопом, то розно,
Воистину – жизнь без цены...
Подставили наших мальчишек
В который «ошибочный» раз...
Как будто огромный излишек
В России мальчишеских глаз!...
О, Боже, дай разум безумным!
Прозрей, ослеплённый народ!
Чтоб высшим решением умным
Закончить разбой и разброд!
Чтоб только весенние грозы
Гремели без вспышек огня,
Не кладбища белые розы,
А сын посмотрел на меня...
И дед столько лет воевавший
За светлую мирную жизнь,
Спокойно в могиле лежавший,
Не вскрикнул: «Ребята, держись!
Сейчас поднимусь на подмогу,
Со мною небесная рать...
Молитесь же, изверги, Богу!
Настала пора помирать!»...
И впрямь – шевелятся могилы,

Выходят из них мертвецы, -
Как высшие, правые силы,
Восстали седые отцы...
Приди, посмотри и подумай,
Что ты натворил, государь,
Совместно с Совмином и Думой,
И в колокол правды ударь!
Спаси свою грешную душу!
Всё видит и знает Господь! -
И небо, и море, и сушу...
И чёрную, страшную плоть...*

—

*Эти стихи были написаны после бомбардировки Грозного и гибели многих моих теперь уже бывших знакомых и друзей – жителей этого города.. В ту пору я ничего не знал и не мог узнать, как ни пытался, остался ли в живых находившийся в те дни в Грозном и мой сын. Слава Богу, он остался жив. Физически. Душа его всё – равно пострадала. И этого теперь никак не изменить! А Борис

Николаевич так и не покаялся за все злодеяния, совершённые в Чечне. Можно, конечно, долго и много оправдываться и ссылаться на обстоятельства и сложившуюся к тому времени ситуацию. Но, как ни оправдывайся, а перед Богом ответить придётся. Погубленных жизней уже не вернешь!

Ночь в горах

Вспыхнула ветка сирени
Молнией резкою в раме...
Встав, как ходжа на колени,
Кланялся гром над горами,
Бился о скалы с размаху,
И проклинал иноверцев,
Белого ливня рубаху
Рвал вместе с кожей и сердцем.
Стены качались от грома,
Стёкла дрожали от страха
В доме угрюмого гнома,
Стол освещался как плаха.
Было нервозно и жутко, -
Пахло слезами и кровью...
Горец ворочался чутко,
Бурку тянул к изголовью.
Верный кинжал под рукой
Трогал не спавшей ладонью,
Крепкой дышал аракой
Во тьму, словно в душу воронью...
Грозный хозяин за стенкой
Что-то шептал про расплату
С высохшей, древней чеченкой,
Стихшему вторя раскату...
В чётках старинного рода -
Каплей янтарной – обида

За унижение народа
И извинение для вида...
Щурился в рамочке Сталин,
Равный, поди, только Богу,
Глядя с усмешкой, как Каин,
На грозовую дорогу.
Чёрная метка сирени
Вспыхнула молнией в раме, -
Страхом, пронзившим коренья
И облака над горами.

Шамиль

Вдалеке от Кавказа,
За тысячи миль,
У священного камня
Молился Шамиль.
Бритый череп
На солнце арабском блестел,
Прогибалась спина
И бешмет шелестел...
Что просил у Аллаха
В пустыне Шамиль,
Прошагавший паломником
Тысячи миль? –
Знают чёрный валун
И горячий песок

Да узнавший имама
Калужский лесок,
Где молился Аллаху
Мятежный имам,
Завещавший возмездие
Страшное нам,
За свободу, распятую
В Чёрных горах,
За бесчестие горцев
На вражьих пирах...
Но беззлобную песню
Поёт мне зурна...
Звук печали растёт,
Как росток из зерна.
Всё насквозь пробивает
Упрямый росток,
А пробьётся, и нежный
Раскроет листок.
Так и горец,
Судьбу одолевший душой,
Вдруг наполнится нежностью
Дружбы большой.
И откроет дорогу
Навстречу друзьям –
Без ухабов коварных
И мстительных ям...

Не напрасно в пустыне
Молился Шамиль,
От родного Кавказа
За тысячи миль!..
И недаром о братстве
Вещал Магомет
До того за суровую
Тысячу лет...
Сердцем друга и брата
Написан Коран,
А не кровью из старых,
Открывшихся ран.
Не отмщения просит
Бессмертный имам,
А прощения всем,
Заблудившимся нам.
Милосердны и Бог, и Великий Аллах
В светлых мыслях, словах
И бессмертных делах!

Стихи о грозненском базаре

Груди дынь раскрыты настезь,
Бьёт по сердцу аромат...
Ты глаза свои не застишь,
Смотришь впрямь, как Азамат *.
И хитро обводишь оком,

Как неистовый абрек,
Грудь, светящуюся соком...
Рядом с хилостью калек.
Ты хитро обводишь оком,
И вонзаешь в мякоть нож, -
Чтоб напившись сладким соком,
Утолить желаний дрожь...
Но они растут, как горы, -
Только бросит нежный взгляд
Та, что с обликом Авроры
Забрела в торговый ряд...
Погляди, как рдеют щёки!
Как агаты глаз горят! -
Бьют под сердце биотоки!
Губы что-то говорят...
Хороша! – кивнёт на дыню
С явной завистью старик,
Что вот-вот по тьму-пустыню
Зашагает напрямик.
Хороша! Старик лукавый,
Проходи, не ворожи,
Как последний пёс плюгавый,
Над нектаром не дрожи! -
Хочешь ты сказать, но только
Поворачиваешь взор:
И ему глазами, колко -

Проходи скорее, вор!..
Не тебе глазами, старый,
Грудь такой красотки есть!
Знаешь сам, что ей не пара
И твоя нелепа лесть.
А характер у абрека,
Как залётная гроза. -
Проходи, базар не Мекка,
На Аврор не пяль глаза!..
И вдоль ряда дынь, торговок,
Затаив бессильный яд,
Озираясь на плутовок,
Понесёт он злобный взгляд.
Не купить за деньги юность
На базаре, как товар.
И души – девицы лунность...
Не отдать тому, кто стар.
Слышишь дробный след лезгинки,
Рёв клаксонов у ворот?..
Про запретные картинки
У немого шепчет рот.
Заграничные авроры
С них взирают, обнажившись...
Увози бесстыжих в горы,
На пророка положившись!..
Пусть тебе пророк поможет

Оживить сухую плоть!
И покуда зависть гложет,
Можешь к стенке приколоть
Заграничную Аврору,
Чтоб не злиться на своих,
И, насыпав денег гору,
Разделить их на двоих!..
Вспоминая ритм базара,
Запах перца, чеснока,
Дух крепчайшего навару,-
Сознавать, что жив пока.
Не сердись, старик, на юность!
Без неё умрёт базар,
Жизни пёстрой многоструйность
Отойдёт, как тьмы хазар,
Как пластинки – в магазине,
Станет скучным белый свет,
Потускневший в спелой дыне,
Как в рабыне прошлых лет...
Пусть хитро обводит оком
Лики новые абрек!..
Грудь, светящуюся соком!
Жизнь без хилых и калек!...
1983 год.

* * *

Вот они – огни аэродрома,
Промелькнули, словно светляки.
Полчаса – и я в объятьях, дома.
Отчего же плачут старики?
В их глазах слились и боль и радость,
И во всем виновен только я.
Подкатила к горлу виноватость
И к душе – задолженность моя.
Долго-долго я бродил по свету,
Отдавая восхищенье глаз
То алтайским высям, то Тибету,
Как влюбленный в горы верхолаз.
Но земля, что встретит спозаранку
Брызгами сирени у ворот,
Вывернет и душу наизнанку,
Когда мать, как в детстве позовет:
Витя! Что прекрасней и певучей
Слов ее, не вянущих как цвет!..
– Сын! – зовет отец, и я везучей
И сильней, чем весь наш белый свет.
Почему ж, родным пренебрегая,
Уходил я в тихий, ранний час
К синим высям горного Алтая,
К холодам, разъединявшим нас?
Потому, наверно, чтоб яснее
Край родной понять издалека

И потом, в объятиях пьянея,
Ощутить, как счастлива река,
Как безумно счастливы травинки
На родной отеческой земле...
Не заманят более картинки,
Что пестреют в книгах на столе...
Им – сухим, бездушным, непонятно,
Почему к истокам воротившись,
Как на солнце, солнечные пятна,
Стыд на сердце выступил, родившись...
И сконфужен встречею такою,
Я бодрюсь: «Да что же вы, я – вот...»
И слезу невольную – рукою
Незаметно... пусть не выдает.

До свадьбы заживет

Ударили в игре, из носа кровь течет.
А мать мне говорит: «До свадьбы заживет!»
До свадьбы далеко, и потому кричу,
А мама пристыдит. И слезы проглочу...
До свадьбы заживет. И все уж зажило.
А ранит кто – то вновь – во мне созреет зло?
И память обожжет? И вызреет беда?
Нет. Выше всех обид людская доброта...
Вот сын ушибся мой, глаза руками трет...
А я ему:

– Крепись, до свадьбы заживет!

1979 год

* * *

Тихо в доме, только слышен
В небе самолетный гул.
Тишиною он приближен,
Словно памятью – аул.
Тот, в котором мы когда-то
Были счастливы с тобой,
Хоть и жили не богато,
Но богатые собой.
Сколько было в нас сокровищ,
Нераскрытых дум и тайн!
Как находок у становищ
В звездном свете, айналайн! *
Помню черный блеск агата
Жажущих, горящих глаз...
И тяжелый страх адата
С поцелуем в первый раз.
Помню шепот и угрозы,
И суровый лик отца -
Твоего, и наши слезы
От предчувствия конца...
И преступное желанье -
Сжечь безжалостно аул

За слепое подражание
Тем, кто Бога обманул
И издал адат жестокий,
А тем паче – шариат -
Бессердечнейшие строки...
В чем пред ними виноват?
Как вернусь, – сочится рана,
Разрываясь об аул...
Четки... Толстый том Корана...
В небе – самолетный гул.

–

*айналайн – моя дорогая (Прим. авт.).

Накануне

Стихи, написанные накануне 73-ей годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

* * *

Игольчатые звёзды хризантем,
Как символы октябрьского салюта,
Мне вспомнились сегодня почему-то,
И проявилось прошлое затем...
Отец при галстукe, в картузе, молодой,
Я на его плече с флажком бумажным,
Над головами, словно над водой,
Плыву по морю праздника отважно.
Плыву по человеческим страстям,

Улыбкам, шуткам, разлитым флагам,
Машу флажком поднявшимся властям,
Когда отец шагает быстрым шагом
С колонной мимо праздничных трибун. -
Магическое, праздничное действо...
Всех поздравляет радиотрибун:
«Здоровья!...» И ни слова – про злодейство.
Про тихое злодейство за мостом,
Где в КПЗ пытали непокорных,
Заматывали сунженским «холстом»*,
Как саваном когда-то в саклях горных...
И сунженская грязная вода
Всё покрывала тайнами на годы...
А к нам несли по жилам провода
Под музыку обман про дух свободы...
И мы кричали громкое – ура! -
На площади под праздничные марши.
Всё это было, кажется, вчера,
Хотя отца тогдашнего я старше...
Мой сын стреляет в дутые шары,
А я не верю в дутую свободу,
Которая под винные пары
Испортила хорошую погоду.
Морозец, солнце!.. А улыбок нет,
На праздник – отвратительные лица,
Как будто на скучнейшей из планет

Мне довелось с братьями родиться...
Не верится, что столько лучших лет
Впустую человеческое море
В себя вбирало звёзд неяркий свет,
И до сих пор нет Зевса на Агоре!
И до сих пор в застенках за мостом
Пытают, как и прежде, непокорных,
И рдеет кровь над сунженским «холстом»,
Стекающим, как саван, с речек горных
В родную Сунжу, ставшую честней,
Светлей и чище в яростное время,
От крови и прозрения – красней,
Готовой напоить иное семя,
Иные корни ярких хризантем,
Как символов победного салюта...
Во мне восстало прошлое затем,
Чтоб не было другим на сердце лютю.
Чтоб над разливом праздничных колонн
Звучало правдой откровенье флага,
И в наши души не ломился «СЛОН»
Из мрачных джунглей старого ГУЛАГа,
Чтоб сунженская чистая вода
В нас совесть пробуждала год от года.
И от стыда не гнулись провода,
Когда звучит по радио – Свобода!..
Отец при галстукке, в картузе, молодой.

Я на его плече с флажком бумажным...
Сижу седой над юною водой
В ноябрьский день и не кажусь отважным.
Проносит воды бурная река.
Проходит жизнь, а не деньки и годы!
Пока в соку, но с жаждой старика,
Неутолённой, требую свободы!
Свободы мне и сыну моему!
Свободы всем! Без шумных демонстраций...
Свободы – слову, сердцу и уму!
И никаких торжественных оваций!..
И никаких торжественных – ура
Под музыку октябрьского салюта!
За то, что было со страной вчера,
Мне очень стыдно и на сердце люто...
И в море человеческих страстей,
Улыбок, шуток, разлитых флагов,
Я буду вечно помнить хруст костей,
И у трибун пройдуся неспешным шагом,
Чтоб показать поднявшимся властям -
Ещё я жив и счастлив почему-то,
Хотя прошлись годами по костям,
Как по цветам октябрьского салюта!
30 октября 1990 года,
в День политзаключённого.

* * *

Я над серебряной купелью
Был осенён святым крестом,
Чтоб после добрых слов капелью
Смягчить и чёрта под мостом.
Слова любви легко даются,
Когда ты молод и силён.
От них побегу остаются,
Судьбой похожие на лён...
Голубоглазые словечки -
Мой свет да неба синева, -
Вас принимали человечки,
Как отраженья снов – Нева.
А сны – на то и сны-загадки, Иль предсказанья наперёд...
Одни на них чрезмерно падки,
А кто-то даром не берёт...
Гореть для всех и без разбора -
Не всем даны огни души...
Незримой линией забора
От птиц отделены Ужи...
Не всем нужны – любовь поэта
И осенённая Нева...
Они привыкли жить без света,
Им безразличны синева
И Бог над детскою купелью,
А черти – братья под мостом,

Таких не тронуть слов капелью
И не спасти святым крестом.
Но я себя преодолеваю,
И Бога им помочь молю,
Заблудшим братьям помогаю,
Сердца их словом шевелю...
Чтоб над серебряной купелью
Был каждый осенён крестом,
И после добрых слов капелью
Смягчил и чёрта под мостом.

Гимн солнцу

Солнце моё, раньше вставай!
Свет и тепло миру давай!
Пусть небеса горят синевой,
Солнце моё, я сын верный твой!
Солнце моё, крась облака!
Радость неси издалека!
Солнце моё – в мягкой траве,
В куще кустов, первой листве,
В толще воды, стайке угрей...
Солнце моё, всех обогрей!
Солнце моё, наполни глаза,
Души людей и образа
Древних святых, ярко свети
Всем, кого встретишь

В дальнем пути!

Солнце моё, наполни людей

Светом любви, как лебедей!

Солнце моё, дай разум им!

И награди зреньем своим!

Солнце моё, не уставай,

Свет и тепло миру давай!

Солнце моё, вечно свети,

Мне помоги счастье найти!

Полнолуние

Витиям слова

Ожидают вновь потопов,
Исцелители сердец,
Души рваные заштопав,
Вышли к людям, наконец.
Речи – огненной гиеной
Рвутся с кровью с языка -
Злостью резкой,
Но мгновенной,
Словно финка у ЗеКа.
Не щадит, гуляет финка,
Свист смертельный на слуху.
Правда, робкая, как свинка,
Ложь, как сучка на духу...
Ох, и «жисть»! Гуляет слово -
Колет, режет всех окрест.
Что – то, братцы, будет снова -
В алой крови Божий крест.

* * *

Где ваши подвиги, подвижники?
Иль вы всего лишь чернокнижники,
Не вдохновившие людей?

И ваша жажда благородная -
Не вера крепкая народная,
А только жажда лебедей,
Двукрылых ангелов и пения
Любви да нежного цветения,
Забвений, вылившихся в рай?
Но рай – не караван-сарай.
Он жаждет подвига свободного
Для очищенья благородного,
Он жаждет жертвы для людей.

«Не сотвори себе кумира»

Евангелие

* * *

«Не сотвори себе кумира» -
Царя, Генсека иль попа!...
Мы все равны пред взором мира -
От господина до раба.
Нам дал господь святое право –
На жизнь, на веру и любовь...
К чему же тягостная слава
Кумиров, проливавших кровь?
Цари, Иосифы, Сатрапы,
Коричневые палачи!
У всех в крови невинной лапы!
Но мненье – выше каланчи

О не развенчанных кумирах,
Взваливших тяжкий груз на нас
И остающихся в вампирах,
Обливших кровью и Парнас.
Откуда ж тяга к славословью
Царей, генсеков и жрецов?
Не лучше ль славить грусть коровью
Иль мысли вечных мудрецов?..
Не сотвори себе кумира!
Сам поднимись под небеса
И ощути свободу мира,
Услышь пространства голоса!
И ты поймешь, – смешны кумиры
Перед величием Небес...
Замолкнут «преданные» лиры,
Когда в тебя вселится бес
И ты восстанешь против сильных,
Не побоишься трупом лечь, -
Судьбы отверженных и ссыльных,
На дыбе страшной боли плеч!..

Полнолуние

Лунная погода – время темных сил.
Сам себе Ягода чашу подносил.
Чашу черной крови – выжал из «врага»,
Выпил, хмурия брови, выросли рога.

Был обычный олух в детстве, навсегда...
Вырос – сущий молох, вон дрожит вода
Там, где отразится образ палача...
Кровь, а не водица хлещет из ключа.
Сколько бы ни пили – мало упырям,
Как дорожной пыли, влаги – купырям...
Но не знал Ягода алчности вождя...
Мрачная погода и сезон дождя -
Сослужили службу для враждебных сил...
Чашу с его кровью Сталин подносил
С хитрую усмешкой – если верен, пей!
И потом не мешкай, всех неверных бей!
А неверных – Боже! – целая страна.
Дрожь бежит по коже, сердце рвет струна
Памятью-былиной о кровавых днях...
Солнце над долиной, свет на старых пнях.
Но пугают тени, словно в лунный час...
Скользкие ступени... поскользнусь сейчас.
А очнусь в ГУЛаге, в каменном аду?
... Ведомо бумаге, что мне на роду...
Кто наполнит чашу кровушкой моей,
Кто заварит кашу с жадностью своей.
Много чаш испито, дней перевелось...
Родина – не сито, так уж повелось:
Сей – не пересеешь! Лей – не перельешь!
Смей, хотя не смеешь! Вей – не перевьешь!

Сильная порода – всех не извести. -
Чайкой до народа долетит: «Прости!»....
Кончен пир кровавый раз и на века? -
Правый иль не правый?.. Правда далека...

* * *

Свежий ветер раздувает шторы,
Шум листвы и веток за окном.
Мы срываем с душ прозревших шоры,
Что навесил нам усатый гном.
Злой колдун, блиставший сапогами
И бросавший тень на всю страну,
Вдоволь посмеялся над богами,
Утверждая в бронзе сатану.
Утверждая ад на белом свете,
Истинно – Гоморру и Содом,
Не приемля ветхости в завете,
«Укрепил» завет своим «трудом»....
Стала ядовитой бумага
Для свободно мысливших людей,
За щетиной ржавого ГУЛАГа
Превратила в робких лошадей.
И на этих «лошадях» двуногих
Строил сатана «социализм»
Для людей покорных и убогих,
Прославлявших высший эгоизм.

Славивших погромы и расстрелы,
Жизнь других не ставивших ни в грош.
Но ценивших выше форм Растрелли
Благо небывалое калош.
Потому в запасниках держали
Обувь из резины, страх и ложь...
И от страха в Судный день дрожали,
Тоже погибая ни за грош...
За старье Старьевщик деньги платит,
Но хранят калоши, словно встарь...
Видно, ждут, а вдруг опять накатит
На страну... не гном, но все же тварь...
Что – то наподобие вампира,
Жадное до крови и до слез,
И подмяв 1/6 мира,
Пропоеет про братский симбиоз.

* * *

Неизменны застывшие кариатиды,
Словно вечности и неподвижности знак.
Но таинственный голос живой Атлантиды
С неподвижностью жизни не свяжешь никак.
А сама неподвижность горда, как основа,
Как могучий хребет располневшей страны.
Неподвижность – могущество! – снова и снова
Мне внушает «Неправда» с лицом сатаны.

Только стоит хоть шаг сделать кариатиду,
Рухнет старое здание, в коем живем,
«Галограмма» души вспомнит про Атлантиду,
Что под воду ушла безвозвратно, живьем.
Напугали страну, и застыла от страха,
Словно смелых и вольных сковал паралич.
И, взойдя выше тронов Яхве и Аллаха,
В облаках и над ними витает... Ильич.
Он один – весь движение мысли и тела,
Он один – за ЦК... За Совет и страну
Говорит, говорит, но не делает дела,
Забавляя неправдой речей сатану.
Неизменны застывшие кариатиды,
Словно вечности и неподвижности знак...
Но кричат в «галограммах» сердце Атлантиды
С неподвижностью той не свыкаясь никак.

1978 год.

В.Шаламову.

* * *

Обрывки снега, словно белой ваты,
На прошлогодней, охристой траве,
Как на изодранном солдатском рукаве,
Еще бедою мартовской чреватой.
Весенняя, начальная пора,

Опасная, нестойкая погода! -
Еще вчера ты звался – враг народа, -
И выходил, сутулясь, со двора.
Сегодня ты подвижник и герой,
За правду и Отечество страдалец.
И хоть карман с протертой дырой,
Есть, есть в душе немалый капиталец.
Накоплен в магаданских лагерях,
На приисках далеких Сусумана,
На раскорчевке судеб и коряг
Средь страха и всеобщего обмана.
Не веруя в великого вождя,
Вы постигали высшее начало,
И с каплями весеннего дождя
Сердца стучали: все начнем сначала...
Но лагерную жизнь не зачеркнуть,
Обиды боль не залечить вовеки...
Свободы всей душою зачерпнуть,
И не поверить, опуская веки,
Скрывая под ресницами глаза,
Ослепшие в забоях Сусумана....
Идет весна, гремит ее гроза,
А в сердце боль – не вышло бы обмана!

1985 год

* * *

Нас память возвращает в хмурый день,
Когда до душ добралась жизни слякоть.
И шамкал пень: «Я гениальный пень!»...
И умиленным пням хотелось плакать.
Настала их трухлявая пора.
Ни слова больше – резвым и зеленым...
Лишь та кора, что старая кора! -
Ей лучше знать, – что надобно влюбленным,
В чем счастье, какова его цена...
У пней на все свои соображенья...
Мир, значит, мир. Война? Ну, что ж – война...
Эй, резвые, зеленые, – в сраженья!

1985 год.

* * *

Жизнь в кредит! – как будто бы издевка:
Униженья, оскорбленья, смех...
Видно, вправду, – божья та коровка
На моей земле счастливей всех.

* * *

Убивают не люди,

а жестокие нравы...
Трижды прокляты будете,

После станете правы...

* * *

Не отрекайтесь от идей,
Когда идеи справедливы,
Но бойтесь маленьких людей,
Что словно крысы, суетливы
И кровожадны в Судный час...
Вы их прощали и жалели,
Они ж не пожалеют вас,
Сожрут, чтоб мысли не ржавели...
Сожрут, чтоб ваш свободный дух
Не нарушал законов стойла,
Не принижал значенье пойла,
С которым род людской опух.

Сомнения

(Из протокола допроса)

Конная милиция, не ходи по мне!
Фронтовые раны на моей спине...
Фронтальная память в жутких снах кричит,
А хмельной ГэБэшник, словно пес, рычит.
Для чего служивому нужно из меня
Выдавить неправду с помощью огня?
Почему медали сорваны с груди?
Почему лишь пытки светят впереди?..

Господи, помилуй! Я не виноват!
– Шутишь, пусть проверит твою правду ад, -
В образе господнем Берия сидит,
На живую душу, как удав, глядит:
– Говори, собака, все наоборот -
Предавал Россию, продавал народ,
А в окопах наших лишь затем сидел,
Что к фашистской сволочи убежать хотел...
– Что ж, пиши, начальник, знаешь наперед:
Предавал Россию, весь честной народ.
Только вот задача – черные дела, -
А Россия-матушка до сих пор цела!
Или я ошибся – встал в глазах туман?
Господи, помилуй за такой обман!

«Рабы – не мы...»

Тянутся цепи уставших машин
Трактом через снега.
Белые глыбы холодных вершин
Вывернула тайга.
Наст – как большой хирургический стол,
Белая с кровью грудь.
Скаल्पель дороги ее пропорол -
Лагерный, жуткий путь.
Что это – явь или белый сон? -
Стылая Колыма.

Смерти-невесты зловещий трон -
Снежная кутерьма.
Белая каторга студит лоб,
Но воспаленный ум
Тьмою остудит лишь только гроб
И облегчит от дум.
Слышишь? – Под сталинским каблуком
Чей – то раздавлен крик...
Север накинутым клобуком
Скроет жестокий лик.
С хитрой усмешкой взглянет тиран -
Главный герой картин... -
Скольким глаза застелил туман!
Выжег мозг карантин!
Вот и сегодня еще рабы
К портрету вождя идут,
И преклоняя пустые лбы,
Как к Богу детей ведут.
Колют за правду, как вьюги глаз,
Шаманы ушедшей тьмы...
Но эта ложь не ослепит нас.
Знайте: «Рабы – не мы!...»

Москве

Москву в блестящих куполах,
Автомобильных толпах,

С базарной грязью на полах
И чистой правдой в колбах
Незамутненных русских душ,
Все до поры не смевших,
Увижу и приму, как муж,
От лет окаменевших.
Но не забывших про мотив... -

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.